

«ХРАНИТЕЛИ
ХОЛОДА»
НОВЫЙ
РОМАН

*Сегодня всему миру
нужен порядок.
И мы воссоздаем новый
мир, полковник Караев.
Если и не тот мир,
который мы потеряли,
то хотя бы тот, в
котором мы хотели бы
жить.*

Чингиз Абдуллаев

Хранители
холода

Тимур Караев

Чингиз Абдуллаев
Хранители холода

«PEN-клуб»

2006

Абдуллаев Ч. А.

Хранители холода / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2006 — (Тимур Караев)

Когда у отставного полковника госбезопасности Тимура Караева бесследно пропал его близкий друг и коллега, а его самого попытались убить, он сразу почувствовал руку спецслужб. Ведь разведчики бывшими не бывают, рано или поздно они попадают в поле зрения «коллег». Вот только какая служба заинтересовалась ими? Чтобы это выяснить, пожалуй, придется встретиться с кое-какими важными людьми. Караев знает по опыту, что идет на верную смерть, но порой истина дороже жизни...

Содержание

ЮРМАЛА. ЛАТВИЯ. 4 МАЯ 2006 ГОДА	5
ДУДЕРШТАДТ. ГЕРМАНИЯ. 7 МАЯ 2006 ГОДА	8
МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА	11
ГЛАСГОУ. ШТАТ КЕНТУККИ. США. 12 МАЯ 2006 ГОДА	14
МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА	18
ТБИЛИСИ. ГРУЗИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА	23
МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА	25
ГЛАСГОУ. ШТАТ КЕНТУККИ. США. 12 МАЯ 2006 ГОДА.	29
МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Чингиз Абдуллаев

Хранители холода

Пин жесток с животными. Они такие же безобразные и непостижимые существа, как и люди. Вероятно, скверно быть маленьким насекомым – быть зеленого цвета, капать по капельке и все время бояться, что вот-вот появится какой-нибудь человек, вроде него, Пина, с огромным лицом, усыпанным рыжими и темными веснушками, и с пальцами, способными разорвать кузнечика в мелкие клочья.

«Тропа научных гнезд».

Итало Кальвино

Тем не менее кубок был доказательством, доказательством того, что он сделал еще шаг на пути к цели, к тому, чтобы навсегда избавиться от боязни разоблачения и насмешек, а это позволит ему наконец зажить своей собственной жизнью в мире тайн, так, чтобы ни один человек на свете не подозревал, кто он и что у него на уме.

«Маленький лорд». Юхан Борген

Средство борьбы со злом нередко бывает гораздо хуже самого зла.

Публий Сир

ЮРМАЛА. ЛАТВИЯ. 4 МАЯ 2006 ГОДА

Он любил приезжать сюда и прогуливаться по берегу моря ранним утром. Этой привычке было уже более десяти лет. К семидесяти годам Иварс Залькалис полюбил подобные прогулки на свежем воздухе. Раньше на них не хватало ни времени, ни сил. Но в последние годы у него появилось слишком много свободного времени, и он мог позволить себе долгие прогулки по песчаным пляжам Юрмалы.

Бывший высокопоставленный сотрудник Комитета государственной безопасности Латвии, оставшийся в своей стране и даже получавший приличную пенсию от нового государства, Залькалис ушел в отставку в звании полковника еще в девяносто первом году, а затем в течение нескольких лет помогал новым структурам, создаваемым в его стране.

Он никогда не вспоминал о своих прежних товарищах, многие из которых оказались в тюрьме или вынужденной эмиграции. На всю его многолетнюю работу до девяносто первого года было наложено негласное табу. На прежнюю дружбу, прежние идеалы, прежние знакомства. Вся его жизнь словно начиналась с пятидесяти пяти лет, когда он вышел на пенсию и через несколько месяцев снова вернулся в привычные коридоры, но уже в другом качестве. Для многих это была грустная и трагичная история жизни, для него она была более чем успешной.

Вдыхая морской воздух, он шел по пляжу в своих новых кроссовках, которые он приобрел совсем недавно в модном спортивном магазине, открывшемся недалеко от его дома. Спортивная куртка, джинсы, цветная рубашка – он любил поддерживать себя в форме. Даже сейчас он выглядел лет на десять моложе своего возраста. Обычные старческие недуги обходили его стороной.

Залькалис обернулся. Смутное беспокойство он почувствовал еще полчаса назад. Этот высокий мужчина, появившийся на пляже в довольно холодную погоду и так же бесцельно прогуливающийся между песчаными дюнами, как и он сам. Откуда появился здесь этот незнакомец? Или он тоже любитель прогулок на свежем воздухе? Но раньше его здесь не было.

Залькалис ускорил шаг. Незнакомец начал отставать, очевидно, в его планы не входило догонять другого одинокого путника. Залькалис еще раз обернулся и усмехнулся. Его бывшая профессия подсознательно делала его подозрительным. Сколько лет прошло с тех пор? Пятнадцать. Сейчас уже мало кого интересует, что происходило в Латвии до девяносто первого года. И после тоже. Постепенно успокоились обе стороны. И хотя некоторые старики, бывшие ветераны с обеих сторон, все еще пытаются доказывать свою истину, все давно махнули на них рукой. У каждого сегодня свои проблемы.

Залькалис посмотрел на море. Сегодня оно было беспокойным, седые волны накатывались на берег. В такую погоду лучше не выходить в море, подумал он. Хотя некоторые рыбаки часто рискуют. Он решил повернуть назад.

Незнакомец, сильно отставший от него, медленно подходил. Они начали сближаться. Незнакомец часто смотрел в сторону моря – возможно, также думал о плохой погоде или размышлял о чем-то своем. Залькалис даже решил, что нужно будет познакомиться с этим чудачком, который появляется у моря так рано, чтобы понаблюдать за восходом солнца.

Они подходили друг к другу. Расстояние сокращалось. Пятьдесят метров, тридцать, двадцать, десять. Незнакомец был выше среднего роста, носил старомодную шляпу и длинный плащ. Он был в очках, и поэтому солнечные блики, отражавшиеся на стеклах, мешали Залькалису рассмотреть выражение его лица. Наконец они сблизились.

– Лабрист, – по-латышски пожелал доброго утра неизвестному Залькалис.

– Здравствуйте, – ответил тот по-русски.

Иварс улыбнулся. Несмотря на прошедшие пятнадцать лет и на изменившийся мир, все еще многие люди упрямо говорят по-русски. Ни для кого не секрет, что почти половина людей, проживающих в Риге, считает русский язык родным и предпочитает общаться именно на нем. Залькалис подумал, что незнакомец, возможно, приехал из Риги.

– Вы не говорите по-латышски? – перешел он на русский.

– Нет, – ответил незнакомец, – я не понимаю латышского.

Ему было лет шестьдесят. Или чуть больше. Высокий рост, тонкие губы, прямой нос, внимательный взгляд.

– Вы, наверно, приезжий? – Залькалис решил, что нужно закончить этот разговор. В конце концов, необязательно знакомиться с каждым встречным.

– Да, – кивнул неизвестный. Он засунул руку в карман своего длинного плаща, и Залькалис почувствовал некоторое беспокойство.

– До свидания, – кивнул Залькалис своему случайному собеседнику. Возможно, этот тип был одним из тех редких отдыхающих, которые появлялись здесь даже в начале мая.

Залькалис прошел мимо. Он успел сделать два шага, когда неизвестный его окликнул.

– Атвайнуонет, – неожиданно остановил его незнакомец. Он произнес слово «извините» по-латышски.

Залькалис изумленно обернулся.

– Вай юэс рунаят латвиски? – переспросил он неизвестного. Что означало: «Вы говорите по-латышски?»

– Я приехал к вам, полковник Залькалис, – вдруг сказал неизвестный, доставая правую руку из кармана. В ней был пистолет с глушителем. Ошибиться было невозможно. Очевидно, в этом длинном плаще были такие карманы. Нет, в последние секунды своей жизни профессионально отметил Залькалис, у этого типа был специально сделанный карман для подобного вида оружия.

– За что? – успел спросить он, ошеломленно глядя на незнакомца.

– За все, – ответил убийца и спустил курок. Первый выстрел, второй.

Залькалис упал на песок. Кровь плохо впитывалась в мокрую землю. Неизвестный чуть приподнял пистолет и сделал контрольный выстрел. Затем быстро пошел дальше, уже не огля-

дываясь на убитого. Тело Залькалеса нашли через три часа случайные прохожие, оказавшиеся в этот холодный день на песчаном пляже. Неизвестный в это время был уже в самолете, который вылетал из Риги. Пистолет с глушителем он выбросил. Подобную улику необязательно иметь с собой. Даже не очень профессиональному убийце. А он был одним из лучших профессионалов.

ДУДЕРШТАДТ. ГЕРМАНИЯ. 7 МАЯ 2006 ГОДА

В Европе окончание войны и победу над фашизмом отмечали восьмого мая. Формально все было правильно. В тот момент, когда фельдмаршал Кейтель и сопровождавшие его лица подписывали капитуляцию Германии в Европе, было восьмое мая, а в Советском Союзе к этому времени было уже девятое мая, сказывалась разница во времени.

Седьмое мая было воскресеньем перед праздником, и Зинаида Маланчук провела этот день вместе со своими родными. Муж у нее умер семь лет назад и был похоронен в Бремене, где они тогда жили. Пять лет назад она перебралась сюда, продала квартиру в Бремене и купила дом в Дудерштадте. Отсюда было совсем близко до Веймара, где проживали ее дочь с мужем и двое внуков. В этом городке она купила себе хороший дом с небольшим садом. Как раз такой, о котором все время мечтала. В Бремене у них была всего лишь квартира в городском доме на четвертом этаже.

Еще в девяносто пятом в бывшую Восточную Германию переехала ее дочь со своим мужем, которые поселились в Веймаре. На территорию бывшей ГДР Зинаиду долго не пускали ее новые хозяева. Сначала спецслужбы категорически возражали против подобных «экскурсий», даже после объединения Германии, затем она сама не хотела туда ехать. И лишь несколько лет назад, уже после смерти мужа, она навестила дочь. Первое, что увидела Зинаида, едва сойдя с вокзала, – это был памятник лидеру немецких коммунистов Эрнсту Тельману, установленный на площади, чуть ниже вокзала. Ее неприятно поразило, что у памятника были живые цветы. Очевидно, его почитатели были даже в объединенной Германии.

Зинаида провела в Веймаре несколько дней и вернулась в свой, уже ставший родным Дудерштадт. Этот город находился буквально на самой границе между двумя бывшими немецкими государствами. Раньше здесь размещался американский батальон, и его казармы находились на окраине города. Дудерштадт жил в постоянном ожидании русских танков, которые стояли в нескольких километрах от границы, где размещался советский танковый полк. Но танки так и не появились, граница между двумя государствами исчезла, тяжелые надолбы убрали, рвы засыпали, проволоку сняли. Американцы ушли из городка, и Дудерштадт стал обычным тихим провинциальным городом. Но он находился на бывшей Западной территории, и это как-то успокаивало Зинаиду Андреевну.

Ей было уже далеко за пятьдесят, но эта невысокая худая женщина бегала по утрам, принимала холодный душ и плавала в бассейне ежедневно по два часа. Одним словом, она следила за собой и была в прекрасной форме. Ее дочери шел уже тридцать третий год. Мужу было под сорок. Они поженились еще в девяносто четвертом году, когда дочери было двадцать один и она была уже студенткой университета в Гамбурге, куда Николай приехал на практику. Он не мог знать, что Зинаиде Маланчук, ее супругу и дочери было предоставлено немецкое гражданство еще в девяносто первом году, за особые заслуги перед объединенным немецким государством. Николай не должен был узнать, что Зинаида Михайловна работала в Германии по линии бывшего Главного разведывательного управления Генштаба СССР и еще в восемьдесят восьмом начала сотрудничать с немецкой разведкой БНД. Сотрудничество закончилось к началу девяносто первого года, когда Маланчук едва не разоблачили. Немцы вывезли ее тогда из Шверина в Гамбург, благо границ к тому времени уже не было. Первые годы ее прятали в небольшом городке Бремерферде, находившемся между Гамбургом и Бременом. После вывода советских войск в девяносто четвертом ей наконец разрешили поселиться в Бремене.

С тех пор прошло так много лет. Ей платили хорошую пенсию, да и деньги, которые она получила за свое «сотрудничество», оказались нелишними. Они вместе с мужем купили неплохую квартиру, приобрели две машины. Теперь они могли позволить себе увидеть мир, поездить по Европе. К началу девяносто шестого в Западной Европе появилась Шенгенская

зона и можно было ездить в большинство соседних государств уже безо всяких формальностей. Но через три года умер супруг Зинаиды Михайловны. Внешне он был здоровым пятидесятилетним мужчиной, но она знала, как часто он жаловался на свое сердце. По большому счету он так и не смирился с этим переездом. До побега на Запад он работал консультантом крупной строительной компании в Шверине, помогал сооружать новые здания. После побега несколько лет сидел без дела, и они жили на ее деньги. Когда он захотел вернуться к своему любимому детищу, было уже поздно. Его куда-то не принимали. Он остался дома, замкнулся в себе, стал много курить. Он почти не пил, и это волновало Зинаиду Михайловну. В последние годы перед смертью он устроился в небольшую строительную фирму, но сердечные приступы повторялись все чаще и чаще. Врачи считали, что ему необходимо шунтирование, но он категорически отказывался ложиться в больницу. И однажды ночью очередной сердечный приступ оказался роковым. Зинаида Михайловна не любила вспоминать об этом. Она понимала, что вынужденное бегство на Запад, его одиночество, не востребованность, разрыв прежних связей оказались для мужа слишком тяжелым испытанием.

В это воскресенье дочь привезла в Дудерштадт всю семью. Вечером они должны были заехать в Геттингем, к друзьям Николая, а затем вернуться обратно. Дочь забрала с собой старшую дочку, оставив на попечение матери младшую, двухлетнюю Лизу. Они должны были вернуться к десяти часам вечера. Когда они уехали, Зинаида Михайловна включила телевизор, усадила на диван свою внучку и поднялась на второй этаж, чтобы закрыть окно в спальне.

В этом городке почти никто и никогда не закрывал дверей на замок. Здесь все знали друг друга, все жили рядом десятилетиями. Зинаида Михайловна поднялась наверх, в спальню, закрыла окно и спустилась вниз по лестнице. Подошла к входной двери. Открыла ее и посмотрела на пустую улицу. У дома стоял ее «Опель», который она купила несколько лет назад. Мимо проехал на велосипеде соседский мальчишка. Она улыбнулась ему, и он вежливо поздоровался. Она захлопнула дверь и вернулась в гостиную. Лиза ползала по дивану, весело играя с двумя мягкими игрушками, зажатými у нее в руках.

Зинаида Михайловна убавила звук громко работающего телевизора и прошла на кухню. Лиза продолжала играть со своими игрушками. Внезапно звук стал громче. Зинаида Михайловна обернулась. Она оставила пульт управления на столике, в нескольких метрах от дивана. Неужели Лиза сползла с дивана? Она поспешила в гостиную. Взглянула на диван. Лиза по-прежнему сидела на диване, растерянно глядя на бабушку. Игрушки лежали рядом. Девочка испуганно моргала.

«Наверно, включила рекламу», – подумала Зинаида Михайловна, подходя к столику. И в этот момент почувствовала, что у нее за спиной кто-то появился. Она его не услышала, только почувствовала. Непонятную тень. Или движение воздуха. Очевидно, неизвестный вошел, когда она была на втором этаже. Нужно посмотреть – кто это решил войти в ее дом? Но обернуться она не успела. Незнакомец ловко и быстро накинул ей на шею удавку, которая больно сдавила горло, не давая дышать. Но убийца не спешил. Он словно нарочно давал ей возможность почувствовать свою смерть в эти последние несколько секунд ее жизни. Чуть ослабил удавку.

– Что... кто... зачем... – Она не могла даже поднять руки, настолько неожиданными и быстрыми были движения незнакомца. И так сильно давила эта удавка на горло.

– Ты знаешь, – сказал он по-русски, и она все поняла. Через столько лет, с внезапной досадой подумала Маланчук, через столько лет. А ведь ее предупреждали. Последняя ясная мысль была о внучке. Как все нехорошо получилось. Ее внучка в доме. Они не оставят ребенка в живых. Какое несчастье. И этот убийца...

– Не трогайте ребенка, – успела прохрипеть она, но убийца уже затягивал свою удавку. Она не сумела даже набрать воздуха, когда тьма окончательно сомкнулась перед глазами. Убийца затянул удавку, прислушался. Он знал, как умирают люди, и не мог ошибиться, услышав предсмертный хрип. Тело обмякло. Он осторожно уложил погибшую на ковер, снял

удавку. Затем подошел к девочке. Ребенок недоверчиво смотрел на незнакомца. Незнакомец улыбнулся девочке, протянул к ней руки и, подняв ребенка, пересадил ее в круглый манеж, стоявший в углу, чтобы она не упала с дивана. Затем взял обе игрушки и перенес их ребенку. Девочка улыбнулась незнакомцу. Этот дядя ей понравился.

Она сделала два шага и уселась прямо в манеже, двигая к себе игрушки. Убийца перешагнул через труп ее бабушки и вышел из гостиной. Он был в черных перчатках. Открыв дверь, огляделся. На улице никого не было. Убийца вышел из дома, мягко прикрыв дверь. Он не стал ее запирасть, чтобы не помешать родителям девочки попасть в дом, когда они вернутся из Геттингена. Спустившись вниз по лестнице, он прошел за дом, исчезая где-то на соседней улице.

Когда через полтора часа вернулись родители девочки, они нашли Лизу в манеже, уснувшую между игрушками. Ее бабушка лежала в гостиной, не подавая признаков жизни. Дочь испуганно бросилась к ней, решив, что у матери был сердечный приступ. Она сразу позвонила в больницу, вызывая врачей и надеясь спасти свою мать. И только тогда ее муж заметил нехарактерную для сердечного приступа красную борозду вокруг шеи. Николай поднял трубку и позвонил в полицию. Он так никогда и не узнал, чем занималась Зинаида Маланчук в своей прежней жизни.

МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА

Все неприятности начинаются с телефонного звонка. Он протянул руку, снимая трубку. За последние годы он отвык от подобных неожиданных звонков. Посмотрел на часы. Восьмой час утра...

– Тимур, – услышал он голос Наташи, – извини, что беспокою тебя так рано. Но ты знаешь, Павел домой не вернулся...

– Как это не вернулся? – не понял Тимур, сразу просыпаясь. – Он что, с ума сошел? Где он мог остаться? Подожди. Алло, ты меня слышишь? Наташа? Ты что, плачешь? Что случилось? Почему он не вернулся?

– Это я хотела узнать у тебя, – услышал он ее голос, – мне только сейчас сказали, что вчера вечером вас видели вместе. Эдуард Алексеевич, наш сосед, видел, как вы сидели вместе в кафе. И поэтому я тебя разбудила. Где Павел?

– Он позвонил мне вчера вечером, – вспомнил Тимур, – было уже около девяти. Он был в плохом настроении и просил меня приехать. Я его таким никогда в жизни не видел. Он был какой-то подавленный. Сидел один в кафе, рядом с вашим домом. Тот самый «Чемпион». Когда я приехал, то увидел, что он сидит за столиком и пьет. Можешь себе представить? Когда мужчина пьет в одиночку. И тем более такой человек, как Павел. Я не понимал, что с ним происходит. Он как-то путано говорил, вспоминал прошлые годы, нашу работу. Потом снова пил. Много пил.

– И ты его бросил одного? – с горечью спросила Наташа.

– Как ты могла даже подумать такое? – обиделся Тимур. – Конечно, я его не оставил. У каждого мужчины бывают такие тяжелые дни. Обычная депрессия. Может, у него были неприятности на работе. Он ничего мне не сказал. Только как-то неприятно усмехался и говорил, что его проблемы меня не касаются. Можешь себе представить? А потом я его проводил до вашего дома. Я сам видел, как он вошел в дом. Набрал код и открыл дверь в подъезд. А потом вошел в дом и закрыл дверь. Только после этого я ушел. Может, он сел где-нибудь на лестнице и заснул там? Он был в таком непривычном состоянии.

– Я уже четыре раза бегала вниз по лестницам, – вздохнула Наташа, – его нигде нет. Тимур, я даже не знаю, что подумать. Почему ты не позвонил мне, ничего не сказал?

– Зачем? Мы попрощались, и он сказал, что идет спать. Я не хотел вас беспокоить...

– Беспокоить? – с укором переспросила Наташа. – Я всю ночь не спала. С ума схожу, не понимаю, что случилось. Всех обзвонила. Хорошо, что вас видел Эдуард Алексеевич. Я его только сейчас на лестнице встретила. Он мне и сказал, что вас видел.

– Подожди, подожди. – Тимур поднялся. – Ты звонила ему на мобильный?

– Конечно. Он отключен.

– Отключен? Ничего не понимаю. А его машина. Она на стоянке?

– Не знаю. Я не знаю, как туда звонить. Может, ты заедешь и проверишь наши машины?

– Конечно, проверю, – немного растерянно сказал Караев. У Паши был хороший «Мерседес», почти как новый. Как рассказывал Слепцов, ему повезло. Эту машину перегнали для него друзья из Германии, и он, заняв деньги в собственном банке, купил почти новый «Мерседес» за двадцать девять тысяч долларов. А жене купил очень неплохой «Ситроен».

– Может, он куда-нибудь уехал? – предположил Тимур.

– Я ничего не знаю. Если уехал, то почему не позвонил. Он вчера был на машине?

– Нет. Мы были недалеко от вашего дома, и он был без своего автомобиля. Я сейчас к вам приеду. Нужно позвонить в соседние больницы – может, ему на лестнице плохо стало с сердцем.

– Я уже звонила. – Было понятно, что она с трудом сдерживается. – Я звонила во все три больницы, которые находятся рядом. Его нигде нет. Я не знаю, что мне думать, Тимур. Мне так страшно...

– Я сейчас приеду, – сказал Тимур, – ты только меня дождись. И никуда не уходи. Мы его обязательно найдем. Ты меня слышишь, Наташа? Сиди на месте и жди меня.

Он бросился одеваться. Как могло такое случиться? Павел не ребенок, ему уже пятьдесят восьмой год. Он обязан был предупредить Наташу о своем опоздании. Куда он мог уйти? Вряд ли у него была новая пассия. С Наташей он живет уже девять лет. Ей сорок восемь, она врач-терапевт, работает в больнице заместителем главного врача. Очень толковая, умная, выдержанная женщина. Павел познакомился с ней сразу после смерти своей первой супруги, еще в девяносто шестом. На следующий год она переехала к нему. У нее уже взрослая дочь, которой двадцать три года. Девушка встречается с хорошим парнем, и, кажется, они собираются пожениться.

Тимур прошел в ванную и достал элетро-бритву. По старой привычке он никогда не выходил из дома небритым, даже в подобных случаях. Что могло произойти с Павлом? Почему вчера он был в таком настроении? И куда он мог уехать? Ничего не понятно. Тимур взглянул в зеркало. Они с Павлом знакомы уже больше двадцати лет. Он обязан был почувствовать состояние своего друга.

Тимур Караеву шел пятьдесят шестой год. Бывший сотрудник Комитета государственной безопасности и Федеральной службы безопасности, полковник Караев проработал в органах более тридцати лет. Он попал в систему органов безопасности сразу после окончания юридического факультета университета. Ему шел только двадцать второй год. Затем он работал некоторое время оперативником, потом учился, снова работал. Основная часть его жизни пришлась на работу во Втором главном управлении КГБ СССР, как называли тогда контрразведку. Позже именно на базе этого управления была создана Федеральная служба безопасности.

Караев ушел на пенсию четыре года назад в звании полковника. Ему назначили хорошую пенсию, и он перешел на работу в службу безопасности крупнейшей нефтяной компании «Лукойл». На новой работе весьма ценили его знания и опыт. Караев жил один, он развелся со своей супругой еще пятнадцать лет назад. Хотя сохранил с ней хорошие отношения. И со своим сыном, которому исполнилось уже двадцать семь. Сын работал менеджером в крупной компании, занимавшейся сбытом радиотоваров. Отец гордился своим отпрыском, сумевшим стать самостоятельным и независимым человеком в столь молодом возрасте.

Павел Слепцов пришел на работу в Комитет государственной безопасности чуть позже Караева. Он служил в пограничных войсках, затем решил остаться на работе в органах безопасности. Пограничные войска тогда входили в часть системы органов КГБ и считались отдельным Главным управлением. После окончания специальной школы в Минске Слепцова направили на работу в Первое главное управление, в разведку, считавшуюся элитой. Но в самой разведке существовала своя внутренняя контрразведка, управление «К», в которое и попал Павел Слепцов. Тогда, в восемьдесят пятом, он и познакомился с Караевым. И с тех пор дружили.

Тимур закончил бритье, убрал бритву, затем затянул галстук на шее. Еще раз посмотрел в зеркало и поспешил надеть пиджак. На улице было уже достаточно тепло, можно было не надевать плаща. Он еще раз подумал, что Павел пропал так неожиданно и глупо. Может, нужно обзвонить морги. Господи, какие глупости ему приходят в голову. Хотя – почему глупости. В современном мегаполисе может произойти все что угодно. Возможно, на лестнице Слепцову попался какой-то мерзавец, решивший пожить за счет пьяного и пожилого соседа. Хотя Павел довольно уверенно держался на ногах. А насчет пожилого тоже большой вопрос. В свои пятьдесят восемь Павел мог спокойно справиться с двумя или тремя нападавшими. Для этого он был неплохо подготовлен. Но тогда что могло с ним произойти?

Караев достал ключи от машины. Нужно будет объездить все соседние больницы. Может, Павел попал туда с сердечным приступом и его зарегистрировали под другой фамилией. Иногда такое случается. Тимур вышел из квартиры, закрыл ее на ключ, спустился в кабине лифта на первый этаж. Вышел из подъезда. Свою машину он обычно оставлял на стоянке, расположенной на соседней улице.

Караев поежился, было достаточно прохладно. Посмотрел на небо, затянутое тучами. И пожелел, что не надел плащ. Очень возможно, что пойдет дождь. Нет, сегодня просто холодно. Нужно вернуться и взять плащ. Заодно он может захватить и именной пистолет, который ему подарили шесть лет назад. На всякий случай.

С другой стороны, возвращаться – плохая примета. Хотя в приметы он не очень верит. Тимур поднял руку. Дождь уже накрапывал.

Он поднялся в квартиру. Надел плащ, забрал пистолет, привычно проверив магазин с патронами. Если бы его спросили – зачем он берет свое оружие, он никогда бы не смог ответить. Возможно, сработала интуиция. Но он взял свой пистолет и положил его в карман плаща. Только после этого вышел из квартиры. И спустился вниз, быстрым шагом проходя на стоянку. Здесь находился его «Вольво», такой привычный и удобный. Любовь к подобным машинам у него осталась еще с тех пор, как он пробыл в длительной командировке в Швеции, работая десять месяцев прикомандированным сотрудником в посольстве.

Караев завел машину и мягко отъехал. Ему и в голову не могло прийти, что с этой минуты все его приключения только начинались.

ГЛАСГОУ. ШТАТ КЕНТУККИ. США. 12 МАЯ 2006 ГОДА

Найти этот небольшой городок даже на самой крупной карте Соединенных Штатов было почти невозможно. Трудно было его найти и на карте самого штата. Гласгоу был одним из тех редких городов огромной страны, мимо которого не проходили ни железнодорожные пути, ни крупные автомобильные трассы. Он словно выпал из неких планов составителей, спланировавших все дороги к западу от города в тридцати километрах от него. Зажатый со всех сторон небольшими озерами и горами, Гласгоу был одним из тех городов, в которых сама жизнь, казалось, застыла неподвижно. И хотя здесь появлялись современные автомобили, у некоторых жителей были даже плазменные телевизоры и современные холодильники, но неспешное течение жизни этого провинциального городка сказывалось и в неторопливых беседах жителей Гласгоу, и в их ритме жизни, сильно отличавшемся от напора американских мегаполисов.

Он взглянул на проходившую мимо машину. Новый автомобиль появился на их улице. Наверно, направляется в сторону национального парка. Если проехать, не сворачивая, на север, можно попасть туда уже часа через два. Раньше, много лет назад, каждый новый автомобиль, появлявшийся в их городке, заставлял его напрягаться, нервничать, волноваться. Но те времена уже давно прошли. Почти тридцать лет. Тридцать лет он живет в этом городке, который стал для него родным. Уильям Бернард Бентон. За столько лет он даже привык к этому имени, свыкся с окружающими, по-своему привязался к этому месту.

Тридцать лет назад его привезли в этот дом, оставив одного. Он хорошо помнит эту первую ночь. Как переживал тогда, как осматривал дом в поисках привычных «жучков». Техника была еще допотопной, подобные предметы наблюдения легко можно было обнаружить при подробном осмотре. Но «жучков» уже не было. В них отпала необходимость. Ему сменили имя, подарили новый дом, дали новые документы, даже немного изменили внешность. И оставили одного. Вот это и было самым страшным. Остаться одному. Одному после трех лет непрерывных наблюдений, проверок, недоверия, страха, разочарований. После трех лет непрерывного прессы, в ходе которого из него выжали, казалось, все, что могли выжать.

Шестидесятипятилетний Бентон выглядел гораздо старше своих лет. У него были кустистые седые брови, лицо перечеркивали глубокие морщины. Только его голубые глаза глядели пронзительно и тревожно. С годами они становились более бесцветными, но не менее внимательными. Первые годы он почти не выходил из дома, позволяя себе покупать товары в небольшом магазине, находившемся на соседней улице. Пенсию ему платило военное ведомство, он был пенсионером в свои тридцать пять. Очевидно, он проходил службу где-то во Вьетнаме или в других опасных районах, где один год службы мог засчитываться за два, хотя никому из соседей он ничего не рассказывал. Со временем он познакомился и близко сошелся с вдовой Лианой Джеральди, которая потеряла мужа в автомобильной катастрофе за год до того, как в их городке появился Бентон.

У Лилианы были две дочери, которые неплохо отнеслись к своему отчиму. Примерно двадцать лет назад Лилиана переехала жить в его дом. Переходить в ее дом он категорически отказался. Здесь ему казалось безопаснее, к тому же просматривалась вся улица. В первые годы постоянный страх сделал его почти психопатом. Он купил пистолет и доставал его каждый раз, когда на их улице появлялся незнакомец. Так продолжалось первые десять лет. Потом он познакомился с Лилианой, которая внесла в его жизнь некоторую определенность. Ее дочери выросли и уехали. Старшая переехала в Теннесси, где вышла замуж и устроилась работать в Нэшвилле. У нее уже было двое взрослых сыновей – он в какой-то мере ощущал

себя дедушкой. Младшая уехала на север, в Чикаго, и жила там с каким-то программистом, но детей у них не было.

О своем сыне, оставшемся далеко, где-то на другой «планете» и в другой системе координат, он не хотел вспоминать. Когда он принял свое решение, сыну было шесть лет. Он помнил его совсем маленьким, всегда улыбающимся карапузом. Сейчас ему должно быть тридцать шесть. Нет, даже тридцать девять. В первые годы он ему снился, потом перестал. Странно, что он никогда не видел в своих снах оставленную жену. Может, потому, что уже не помнил ее лица, даже не помнил ее запаха. Прошло столько лет...

В последние годы он немного успокоился. Казалось, что вся его прошлая жизнь была такой же. Неторопливой, устоявшейся, размеренной, спокойной. Он перестал видеть сны на другом языке, знакомом ему с детства. Он перестал дергаться по ночам, просыпаться в холодном поту. Уильям Бернард Бентон – американский пенсионер и житель Гласгоу – вел обычную жизнь среднего жителя в глубокой провинции.

Сегодня он должен был сходить на почту, которая находилась на соседней улице. До почты было минут пять или шесть пешком, но раньше он часто брал машину. И не забывал свое оружие. В последние несколько лет он ходил на почту пешком, а купленный пистолет пылился где-то на полке. Он даже начал о нем забывать. Да и к тому же трудно спрятать такое оружие, когда ходишь в одной рубашке и легких брюках. На юге штата Кентукки в мае месяце уже часто бывает под тридцать градусов.

Брентон вышел на улицу. У соседнего дома качается в своем кресле-качалке их сосед, старый Дюк Буанья. Ему уже лет восемьдесят или больше. Этот темнокожий афроамериканец по-своему местная легенда Гласгоу. Он помнит события Великой депрессии, когда он был совсем мальчиком, президентство Франклина Рузвельта и Вторую мировую войну. А может, он все врет, когда вспоминает, как к концу двадцать девятого года за бесплатным супом выстраивались в очередь почти все мужчины Гласгоу, в котором тогда было не больше пяти тысяч жителей.

Брентон поздоровался со стариком, и тот важно кивнул ему. Они знакомы уже много лет, но для Буаньи Брентон все еще новичок, ведь он приехал сюда только тридцать лет назад. И хотя Брентона все давно уже признали за своего, Буанья считает, что только родившийся и проживший всю свою жизнь в Гласгоу человек может удостоиться его монолога.

Когда Брентон свернул на соседнюю улицу, он увидел, как мимо проехал темно-синий «Линкольн» с номерами штата Миссури. За рулем сидела женщина. Ей было лет сорок. У нее были светлые волосы и темные очки. Такие туристки часто проезжали через их городок. Рядом сидел лысоватый мужчина – очевидно, ее муж. Он тоже был в темных очках, но, в отличие от супруги, посапывал, позволяя себе немного отдохнуть, пока его супруга уверенно управляла машиной.

Брентон ускорил шаг. Навстречу ему прошли две женщины, которых он хорошо знал. Они работали в местной больнице. Женщины вежливо с ним поздоровались, он им ответил. В этом небольшом городе он знал почти каждого из местных жителей. И почти каждый знал его.

Впереди была видна почта. Кирпичное здание выделялось на фоне других сероватых зданий. Новое здание почты была построено уже после его переезда в Гласгоу.

Он чуть ускорил шаг. И в этот момент «Линкольн», делавший уже второй круг мимо него, мягко притормозил. Мужчина, опустив голову на стекло, спал. Очевидно, они включили кондиционер, и его разморило. А женщина, мягко притормозив машину, опустила стекло со своей стороны.

– Извините, – спросила она, – как мне проехать в сторону Мамонтовой пещеры?

Это был национальный парк, находившийся на севере. У нее было хорошее английское произношение, и она не глотала окончания слов, как это обычно делают на юге. Вполне возможно, что они приехали с севера или даже из Великобритании. Хотя нет, англичане говорят

немного иначе. Он хорошо знал, как говорят англичане и как говорят американцы-южане. Возможно, эти гости приехали из Австралии.

– Вам нужно в другую сторону, – показал Брентон, – вернитесь на соседнюю улицу и поезжайте на север. Там есть указатель.

– Саймон, – попыталась разбудить мужа женщина за рулем, – я же тебе говорила, что мы неправильно едем.

Мужчина приподнял голову и что-то пробормотал.

– Ты всегда ведешь себя так, словно я во всем виновата, – укоризненно произнесла женщина, – что нам теперь делать?

Мужчина опять что-то пробормотал. Брентон расслышал, что он предлагает пообедать, но его супруга резко возражала. Она поблагодарила Брентона и, ткнув пальцем в кнопку, раздраженно смотрела, как поднимается стекло. Очевидно, она не хотела, чтобы случайный прохожий оказался свидетелем их обычной семейной перепалки. Или просто ей было жарко.

Брентон усмехнулся. Наверно, они с Севера. Только там живут подобные эгоцентричные люди. И такие уверенные в себе дамочки.

Он прошел дальше, входя в здание почты и уже забывая об этих случайных туристах.

Из здания почты он вышел минут через десять. «Линкольн» все еще стоял на прежнем месте. Очевидно, супруги не пришли к определенному выводу. Возможно, муж все-таки настоял, чтобы они сначала пообедали. Мимо прошли две пожилые женщины – сестры Слоссера. Обеим старушкам было лет по восемьдесят, но они неизменно ходили вместе и были очень привязаны друг к другу. Их так и называли в городе – «сестры Слоссера», который умер более полувека назад. Но старушки были по-своему особой достопримечательностью Глазгоу. Брентон улыбнулся, остановился, чтобы перекинуться с ними парой фраз. Для них он оставался молодым человеком, приехавшим в этот город более тридцати лет назад. После взаимных приветствий Брентон оставил своих милых собеседниц, пересек улицу и вошел в магазин. Это был самый большой двухэтажный магазин в южной части города. Кажется, он должен купить салфетки и большие черные пакеты для мусора.

Ему всегда не нравились эти поручения Лилианы. Но некоторые обязанности по дому он иногда выполнял. Он прошел в дальний конец магазина, где лежали черные рулоны свернутых пакетов для мусора. Здесь были небольшие пакеты, пакеты средней величины, большие и очень большие. Америка, раздраженно подумал Брентон, уже в который раз за эти тридцать лет. Страна неограниченных возможностей. Впервые в жизни он подумал так еще много лет назад, когда впервые попал в эту страну.

Тогда на бензоколонке он попросил апельсинового сока. Улыбающийся юноша терпеливо ждал, когда посетитель объяснит ему, какой именно сок он хочет.

– Что вам непонятно? – наконец не выдержал тогда Брентон. – Я хочу апельсиновый сок.

– Какой? – спросил продавец. – Свежевыжатый, натуральный или обычный?

– Натуральный.

– Какой? – снова спросил продавец. – В стеклянной таре, в пластиковой или в картонной?

– В пластиковой.

– Какой? – терпеливо уточнил продавец. – Ледяной, холодный или теплый.

– Холодный.

– Какой? – в очередной раз спросил этот юноша, не понимавший, что его вопросы выглядят издевательством. – Маленький, средний или большой?

– Средний. – Брентон решил, что вопросы закончились.

– Какой? – в пятый раз спросил юноша. – Какую фирму вы предпочитаете?

Это было еще в начале семидесятых. В Советском Союзе только наступала эра тотального дефицита. Но там даже не могли подозревать, что на обычной бензоколонке может быть столько различных сортов апельсинового сока. Может, тогда у него впервые зародилось неосо-

знанное желание перемен. Ему хотелось этого западного благополучия, западного зноя, западной состоятельности после многих лет нищеты и бытовой неустроенности, которыми была полна его прежняя жизнь.

Он вырос вместе с братом в коммунальной квартире, когда они вчетвером, вместе с родителями, делили одну комнату и выстраивались в очередь по утрам, чтобы воспользоваться туалетом. И потом студенческое общежитие и снова комната одна на четверых. А как долго они ждали с женой собственной двухкомнатной хрущевки, чтобы наконец жить отдельно, а не снимать комнаты у всегда привередливых и склочных хозяев, которым не нравилось сдавать комнаты семьям с маленьким ребенком. Все это было так сложно, так тяжело. И все это можно было сменить на западный рай. Но для этого нужно было решиться. И Brenton тогда решился. Он принял решение и резко изменил свою судьбу. Ему повезло. Он не только остался в живых, но и все годы пользовался благами того западного рая, о котором так неистово мечтал.

Brenton наконец выбрал и поднял голову. Перед ним стояла дама из «Линкольна». Совсем рядом. Странно, что она так бесшумно подошла, подумал он, совсем не испугавшись, ведь он должен был ее услышать.

– Мы решили остаться, – улыбнулась ему дамочка, снимая очки. Удивительно, но глаза у нее были темные. Для ее светлых волос подобный цвет совсем не характерен.

– Правильно сделали, – кивнул Бентон, – у нас есть неплохие ресторанчики, в которых вы можете пообедать вместе со своим мужем. На соседней улице есть популярный мексиканский ресторан.

– Мы не будем обедать, – раздался вдруг голос у него за спиной.

Он резко обернулся. Ее муж был ростом чуть ниже Бентона и смотрел на него, не снимая своих темных очков. Впервые Бентон испытал некое чувство страха.

– Мы не будем обедать, майор Труханов, – вдруг сказал этот неизвестный мужчина, называя его по имени, которое он потерял тридцать три года назад. И которое более всего боялся услышать. Ему даже показалось, что он ослышался. Но незнакомец произнес эти слова по-русски, и ошибиться было невозможно.

На всякий случай Бентон обернулся. И почувствовал, как сталь большого ножа входит в его тело. Он хотел закричать, позвать на помощь, крикнуть, но стоявшая у него за спиной женщина вдруг резко, наотмашь, ударила его по лицу. Нет, не ударила. У нее в руках была какая-то тряпка. Или платок. Она просто резко прижала к его носу эту тряпку. Пропитанную чем-то приятным, аморфным. Бентон почувствовал второй удар, третий. Было совсем не больно. Это удивляло его более всего. Когда его ударили в четвертый раз, он снова почувствовал боль. Но кричать уже не мог. Глаза сомкнулись. Убийца сделал еще несколько ударов. Бентон лежал на полу. В этой части магазина не было привычных камер, которые следили бы за посетителями. Да и в самом Глазгоу не было никогда воровства в подобных магазинах.

Убийца поднял голову. Взглянул на женщину. Она быстро кивнула, убирая платок с лица Бентона. Посмотрела на убитого.

– Нужно было, чтобы он мучился, – убежденно сказала она.

– А он мучился, – твердо ответил убийца, – все тридцать лет мучился. И еще три года.

Он достал из кармана целлофановый пакет, упаковывая свой нож. Затем быстро кивнул, и они вышли из магазина. Через минуту «Линкольн» уже выезжал на другую улицу. А еще через несколько минут на полной скорости покинул город. Когда они отъехали достаточно далеко, женщина мягко затормозила. Мужчина вышел из машины, прошел метров двадцать. И затем начал быстро разрывать землю руками. Сделав небольшую ямку, он бросил туда свой нож, завернутый в целлофан. И начал забрасывать яму землей. Через десять минут он вернулся. Женщина уже успела снять свой белокурый парик, превращаясь в коротко стриженную брюнетку.

– Кажется, все прошло нормально, – сказала она.

МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА

Он подъехал к дому Павла ровно через двадцать минут. Он заехал на стоянку, где Слепцовы держали свои машины, и убедился, что оба автомобиля простояли всю ночь там. Затем он оставил свой автомобиль во дворе и прошел к подъезду дома. Вчера он запомнил комбинацию цифр, которую набирал Павел. И Караев вошел в подъезд. Пахло сыростью и краской, здесь недавно сделали ремонт. Он решил подняться на четвертый этаж пешком, рассчитывая заметить возможные мелочи, на которые могла не обратить внимание Наталья.

Медленно поднимаясь по лестнице, Караев внимательно присматривался, рассчитывая увидеть следы борьбы, отпечатки, оставленные башмаками, новые потертости на свежестенытых стенах, возможные пятна крови. Но нигде не было никаких подозрительных следов. Вся лестница до четвертого этажа была почти в идеальном состоянии, сказывался недавний ремонт. На всякий случай он поднялся до пятого этажа. И снова спустился. Никаких следов борьбы. Павел вошел в подъезд и словно растворился.

Гараев позвонил в его дверь. Она сразу открылась, словно Наташа стояла за дверью.

У нее было опухшее от слез и волнений лицо, красные глаза. Было заметно, что она только недавно причесала волосы. Она была по-своему красивой женщиной. Высокой, несколько дородной, с немного вытянутым аристократическим лицом, красивыми голубыми глазами.

– Тимур, – устало произнесла женщина, – я не знаю, что мне делать. Куда мне звонить. Я ничего не понимаю.

Он вошел в квартиру. Как часто он здесь бывал. В этой большой и такой знакомой трехкомнатной квартире Павла Слепцова. Тот переехал сюда несколько лет назад. В ответ на расспросы друга Павел пояснил, что «Альфа-банк» выделил ему специальную ссуду на приобретение такой дорогой квартиры. Он не хотел переезжать к своей новой супруге, они поженились с Натальей гораздо позже, уже когда стали жить вместе. Павел настоял, чтобы она переехала к нему. Его сын от первого брака жил в Америке. Он уже успел жениться и стать отцом десятилетней девочки, которая плохо говорила по-русски, предпочитая общаться с бабушкой и его друзьями на английском.

– Я проверил ваши машины, – сообщил Тимур, – они на месте. Никто их не забирал.

Наташа провела его в гостиную. На столике лежали таблетки от головной боли, валидол. Ей, очевидно, было действительно очень плохо. Он вспомнил, какую тревожную ночь она провела, и невольно вздрогнул. Наташа была в темной рубашке и в темной юбке, словно заранее подготовившись к самым тяжелым вестям. Но никаких вестей не было.

– Сейчас приедут дочь со своим женихом, – сообщила Наталья, – я позвонила им, чтобы они приехали. Впервые в жизни не знаю, что мне делать. Так глупо. Словно перед большой стеной, которую нельзя ни объехать, ни обойти.

Она села на стул, устало наклонив голову.

– Нужно успокоиться, – твердо предложил Тимур. – Успокоиться и подумать, что могло произойти. Он не жаловался в последние дни на свое здоровье? Может, у него были затылочные боли? Или боли под лопаткой?

– Ты забываешь, что я врач, – печально улыбнулась Наташа. – Если бы у него были подобные симптомы, я бы первая всполошилась. Но он даже давление никогда не измерял. И мне не позволял. Он был абсолютно здоровым человеком, любая версия его сердечного приступа абсолютно отпадает. Ты знаешь лучше других, что он играл в теннис, и играл неплохо.

– Может, на него напали?

– Я все время бегала вниз. Там никого не было. И соседи ничего не слышали. Если бы его избили или... или ударили чем-то тяжелым, он должен был остаться на лестнице. А его нет. И никаких следов борьбы. Я уже думала звонить нашему участковому.

– Вот он вряд ли поможет, – возразил Тимур. – А на работу ты к нему не звонила?

– Ночью? Там никто не отвечает. Но я все равно нашла телефон Виктора Васильевича, их начальника отдела. Он сказал, что Павел ушел в половине седьмого. Вел себя как обычно. Со всеми попрощался и ушел. Ничего подозрительного. И утром они его ждут на службе. Что он тебе говорил вчера вечером?

– Ничего не говорил. Какие-то глупости. Жаловался, что не всегда умел выбирать верные пути. Говорил, что очень тебя любит. Я так и не понял, зачем он меня позвал. Подумал, что у него неприятности на работе.

– Может быть, – задумчиво предположила Наташа. – В последние дни он был сам не свой.

– У него могла быть знакомая женщина? Извини, что я спрашиваю, но, возможно, ты лучше меня его знала. Какие у вас были отношения в последнее время? Он не мог обидеться на тебя и уйти к другой?

– Господи. Я бы бога благодарила, если бы сейчас его нашли в постели другой женщины. Честное слово, пошла бы и свечу поставила. Только у него не было любовниц. И не могло быть. Он был слишком цельным человеком, дешевый адюльтер был не для него. Ты знал его столько лет. Неужели ты думаешь, что он мог вот так уйти. Ничего не сказав, не выяснив, даже не попытавшись поговорить. И потом, зачем ему уходить? Это ведь его квартира. Было бы гораздо правильнее, если бы ушла именно я. Он мог честно сказать мне об этом. Нет, Тимур, эта версия как раз не подходит. Он просто не мог никуда уйти. Ни к какой другой женщине. Я думала, что ты мне подскажешь, что именно произошло. Ты все-таки работал вместе с ним в такой организации, где умели понимать людей и узнавать, где они находятся.

– Я уже там давно не работаю, – в сердцах произнес Караев. – Давай вместе поразмышляем, куда он мог деться. Вчера он позвонил мне примерно в девять часов вечера. Где он был до этого?

– Позвонил и сказал мне, что задерживается.

– Значит, он не приходил вчера домой после работы?

– Нет, не приходил.

– И позвонил мне уже в девять часов вечера, – вспомнил Тимур.

– Тогда получается, что он где-то еще был до того, как встретился со мной. Я спрашивал в «Чемпионе», он приехал туда часов в восемь, в половине девятого.

– Но дома его не было. Я вчера приехала раньше и была здесь уже с пяти часов вечера.

– Я приехал к нему в девять вечера. Мы сидели вместе часа полтора или два. Он мрачно пил и говорил какие-то непонятные вещи. Про нашу судьбу, про нашу прошлую работу. Я видел, в каком он состоянии, и пытался его успокоить. Думал, что у него неприятности на работе. Но он еще больше пил и мрачнел. Часам к одиннадцати я повел его домой. Он шел довольно спокойно, на него не действовало такое количество алкоголя, которое могло свалить с ног другого человека. Мы дошли до вашего двора и я увидел, как он набирает код, чтобы открыть дверь в подъезд. Код я запомнил, иначе не сумел бы сегодня попасть к тебе. Он вошел в дом и махнул мне рукой. А я пошел за своей машиной, которую оставил у кафе.

– И больше ничего?

– Больше ничего. Я один раз обернулся, но не заметил ничего подозрительного. Никто за ним в подъезд не входил.

– Я не знаю, куда еще звонить? Может, в милицию?

– А ты не звонила в милицию?

– Нет. Только в соседние больницы. Я боюсь звонить в милицию и в морг. Но рядом с нами есть отделение милиции.

– Я знаю... – Тимур подвинул к себе телефон, набирая номер, чтобы узнать телефон местного отделения милиции. Наташа молча наблюдала за ним. Было заметно, как она волнуется. Тимур узнал номер и перезвонил в милицию. Дежурный сообщил ему, что за последние сутки человек с фамилией Слепцов не поступал к ним в отделение. И посоветовал позвонить в городское управление. Но не дал номера телефона, а сразу положил трубку.

– Так они не будут ничего сообщать, – нахмурился Караев. – Даже если у них были какие-то происшествия. Кто по телефону сообщит о задержании неизвестного. Или о его убийстве... Только не дергайся, это я говорю для примера...

– Что мне делать? – простонала Наталья. – Я просто сойду с ума. Или попаду в свою собственную больницу.

– Подожди, – попросил Тимур. – Который час? Я сейчас позвоню одному своему знакомому. Он может все быстро узнать. Только ты подожди. И не нужно сразу предполагать самое плохое. Разве у вас мало бывает случаев, когда человека привезут к вам, а он ничего не помнит. Или просто потерял сознание. Сколько хотите подобных фактов.

– Если человек в коме, – жалобно согласилась она.

– Ну зачем сразу такие дикие подробности, – отмахнулся Караев. Он достал свой мобильный телефон и поискал по справочнику нужный ему номер. Затем набрал его, ожидая, когда абонент наконец ответит.

– Кто говорит? – раздался недовольный и заспанный голос. Было ясно, что телефонный звонок его разбудил.

– Извини, Семен, это я, Тимур, – быстро сказал Караев.

– Чтоб тебе... – выругался Семен. – Я только два часа как лег спать. Только недавно вернулся и не успел отключить свой мобильный. И тут ты позвонил...

Подполковник Московского уголовного розыска Семен Маляров был старым знакомым Тимура Караева. Именно ему и позвонил Тимур, решив, что тот сможет ему помочь.

– Извини, Семен, – еще раз сказал Караев, – если бы не важное дело, я бы тебя не беспокоил так рано утром.

– Уже догадался и принял твои извинения, – пробурчал Семен, – все равно ты меня уже разбудил. А теперь скажи, что случилось?

– Пропал наш друг. Паша Слепцов. Ты его знал, он работал со мной в органах. Помнишь, мы с ним вместе приезжали к тебе на дачу в прошлом году.

– Конечно, помню. Он же бывший офицер КГБ. Как это пропал?

– Вот так и пропал. Я вчера сам его проводил до дверей дома. Он вошел в подъезд и не поднялся к себе в квартиру. Исчез...

– Вы с ним пили?

– При чем тут это?

– Я тебя спрашиваю – вы пили или нет?

– Пили, конечно. Одну бутылку. Нет, две. При чем тут сколько мы пили?

– Может, он после этого передумал. Решил поехать к знакомой. Иногда такое случается... Тимур покосился на сидевшую рядом с ним женщину. Переложил аппарат в другую руку.

– Нет, – сказал он, – такого не могло быть. Он возвращался домой, к своей жене.

– Именно к жене в таком состоянии и не очень хочется ходить, – рассмеялся Семен.

– Я с тобой серьезно говорю. Он исчез, и мы нигде его не можем найти. Обзвонили все соседние больницы.

– А в морги звонили?

Тимур поплотнее прижал аппарат к уху.

– Нет, – ответил он, – пока не звонили.

– Нужно позвонить, – решил Семен, – и к нашим дежурным. Может, у них есть какие-нибудь сведения.

– Поэтому я к тебе и позвонил, – сообщил наконец Караев. – Мне нужно узнать, какие происшествия случились в городе за минувшие сутки.

– Так бы сразу и сказал. Еще нет девяти утра. Может, не все сводки пришли. Но я сейчас перезвоню и узнаю. Заодно проверю и морги.

Тимур убрал телефон и взглянул на Наталью.

– Он мне перезвонит, – сообщил Караев.

Кто-то постучал в дверь, не воспользовавшись звонком. Она испуганно взглянула на него.

– Наверно, Маша приехала с Сергеем, – сказала она, не двигаясь с места.

– Я открою. – Он поднялся и подошел к дверям. Посмотрел в глазок. Старая привычка – всегда быть осторожным. За дверью стояли ее дочь со своим парнем. Дочь была очень похожа на мать. Парень был похож на Джо Дассена. У него были немного косые глаза, смешные пухлые губы и пышные волосы.

– Что случилось? – крикнула Маша, врываясь в квартиру, когда он открыл дверь. – Где мама?

Тимур показал в сторону комнаты. Маша побежала туда. Сергей пожал руку Караеву и медленно прошел следом за ней. Маша уже обнимала маму, успокаивая ее. Сергей молча стоял на пороге.

– Он найдется, он найдется, – шептала Маша, обнимая маму.

В этот момент раздался телефонный звонок. Тимур достал свой аппарат. Это был Семен Маляров.

– Я все проверил, – сообщил он, – никто твоего друга не находил. Он у нас не числится. И по моргам тоже не проходит. У него были с собой какие-нибудь документы?

– Кредитные карточки на его имя были, – вспомнил Караев, – и служебное удостоверение всегда с ним. Он сейчас работает в службе безопасности «Альфа-банка».

– Во всяком случае, такого у нас не было. Никто с фамилией Слепцов не поступал ни в морги, ни к нам. И не попадал ни в какие происшествия. Я попросил проверить все случаи, какие были сегодня с пожилыми мужчинами под шестьдесят. Одна автомобильная авария, один сердечный приступ, одно задержание. Во всех трех случаях установлены личности стариков.

– Сам ты старик, – не сдержался Караев. – Тебе уже сколько? Сорок четыре. Через десять лет я тебя тоже стариком называть буду. Пожилые люди под шестьдесят. Никогда тебе этого не прошу. Значит, ты точно все проверил?

– Абсолютно точно. Ничего с твоим другом не случилось. Может, он куда-то решил смотаться. Или его пригласили другие друзья. Подождите немного. Может, он сразу поедет на службу. Твой Слепцов не мальчик, а бывший офицер КГБ. Он знает, что такое дисциплина. Наверно, через полчаса будет на работе. А сейчас я отключаю телефон и ложусь спать. И учти, что городской я тоже выключаю.

Маляров отключился. Караев убрал телефон в карман.

– Он проверил все сообщения, поступившие в городскую дежурную часть за эту ночь. Павла нигде нет. И в моргах его тоже нет, – безжалостно добавил он.

Наталья вздрогнула. Маша еще сильнее обняла мать.

– Мой друг считает, что Паша утром приедет к себе на работу, – сообщил Караев. – Между прочим, уже без пяти минут девять, и молодые люди могут опоздать на работу.

Наташа согласно кивнула. Она поцеловала дочь и махнула рукой ее другу. Маша только недавно устроилась на работу и не должна была опаздывать. Сергей подождал, пока его подруга выйдет из комнаты, и пошел следом за ней. Дверь захлопнулась.

– Хороший парень, – одобрительно кивнул Тимур.

– Чем он тебе так понравился? Молчун, – пожала плечами Наталья.

– Лучше иметь рядом молчуна, чем болтуна, – возразил Караев, – он не задает лишних вопросов. Это очень ценное качество в мужчинах.

– А мне нравится, когда мужчина болтун, – возразила Наталья, – я всегда подозреваю, что молчаливые люди молчат не потому, что им так хочется, а просто потому, что им нечего сказать. Хотя Сергей по натуре немного флегматик. Рядом с такой энергичной девочкой, как Маша, ему будет немного трудно.

– А может наоборот, – возразил Тимур, – противоположности иногда сходятся.

Он позвонил на работу, предупредив, что сегодня задержится. Он даже не подозревал, что сегодня вообще никуда не попадет. В дверь снова позвонили. Караев улыбнулся.

– Это, наверно, вернулся Сергей. Решил, что слишком долго молчал. Хочет исправить ошибку.

– Они опаздуют на работу, – нервно сказала Наталья, выходя из комнаты.

Она подошла к входной двери и, не глядя, открыла ее. На пороге стояли двое незнакомцев. Наталья нахмурилась. Нет, она не испугалась. После бессонной ночи она уже ничего не боялась. Но ей не понравились эти двое молчаливых мужчин.

– Что вам нужно? – спросила она.

Вместо ответа один из незнакомцев вдруг сделал шаг вперед, отодвигая ее в глубь коридора. Другой быстро вошел. Первый, чуть ниже среднего роста, с раскосыми азиатскими глазами, вдруг протянул свою руку и больно взял ее за горло.

– Молчи, – прошептал он. – Кто еще есть дома?

Наталья не успела даже крикнуть. Второй мужчина, доставая оружие, шагнул в комнату, где сидел Тимур Караев.

ТБИЛИСИ. ГРУЗИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА

В этом городе раньше любили жить и отдыхать. Но в последние годы произошло слишком много событий, не всегда благоприятно отражавшихся на облике города. Гражданская война в начале девяностых превратила центр города в развалины, когда сгоревшие театры и пробитые снарядами здания наглядно рассказывали об ужасах происшедшего конфликта. Затем в город хлынули беженцы из Абхазии, которых начали селить в отелях города, превращая гостиницы в постоянные дворы со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сказывались экономические неурядицы середины девяностых, частое отсутствие электроэнергии, тепла, газа.

Но город жил вопреки всем трудностям. Постепенно восстанавливалась экономика, реконструировались поврежденные здания, оживлялась торговля, в ресторанах начали появляться люди, а на улицах можно было увидеть даже улыбающихся прохожих.

На проспекте Руставели появились новые иномарки, которые раньше принадлежали только чиновникам, распределявшим зарубежную помощь. В одной из подобных машин – роскошной «БМВ» седьмой модели – находилось трое мужчин. Двое расположились на переднем сиденье. Очевидно, они были телохранителями третьего, высокого мужчины с коротко подстриженной бородкой и усами, который на заднем сиденье автомобиля разговаривал в этот момент по спутниковому телефону с Лондоном. Он был в хорошем настроении. Бизнес в этом году обещал быть более прибыльным, чем в предыдущие годы.

Георгий Хучуа, бывший сотрудник советской внешнеторговой организации, проработавший там почти двадцать лет, сбежал на Запад в начале девяностого года, когда развал в Грузии достиг своего пика, а у власти был Гамсахурдиа, постоянно враждовавший с центром. Через некоторое время его свергли не без помощи российского спецназа, и на его место вернулся бывший член Политбюро и бывший Первый секретарь грузинской компартии Эдуард Шеварднадзе. Несмотря на все попытки Шеварднадзе удержаться у власти с помощью компромисса, уступок, закулисных интриг, ему пришлось в итоге уйти в отставку, а власть перешла к другому неистовому националисту Михаилу Саакашвили.

Именно тогда Хучуа, уже сделавший себе состояние на Западе, решил впервые приехать в Тбилиси. Лидерство Саакашвили обещало ему относительную безопасность. К тому же у Георгия Хучуа к этому времени был уже французский паспорт.

К тому же примерно в это время посол Франции в Грузии Соломея Зурабашвили стала министром иностранных дел Грузии. Это был по-своему уникальный случай в истории дипломатии. Но на постсоветском пространстве случались и не такие парадоксы.

Георгий Луарсабович Хучуа стал совладельцем сразу нескольких грузинских предприятий. У него были хорошие связи на Западе и на Востоке с прежними внешнеторговыми агентами, с которыми он работал много лет. Хучуа стал одним из самых богатых людей в Грузии, многие даже считали, что он вскоре займет место первого заместителя министра экономики.

Сегодня он должен был встретиться с одним из своих возможных партнеров, прилетевшим из Канады. Они уже давно готовили эту встречу. У канадского бизнесмена Йена Модлинга были очень перспективные предложения по совместному сотрудничеству.

На улице Телави находилась новая гостиница «Шератон Метехи Палас», в которой и была назначена встреча двух бизнесменов. В этом большом отеле было двести сорок восемь номеров и только один президентский 스위트, его и занимал приехавший сюда из Торонто канадский бизнесмен. Хучуа, узнав, где остановился его будущий компаньон, только удовлетворенно кивнул головой. В этой южной стране умели ценить людей, привыкших к роскоши и хорошей жизни. Здесь не очень понимали пуританский образ жизни. Если у человека есть деньги, он должен их тратить. Если у него есть большие деньги, то он должен их тратить с еще большим размахом. Судя по всему, Модлинг был одним из самых богатых людей, с кем Хучуа когда-либо прихо-

дилось сотрудничать. На сайте канадской компании, владельцем которой был Йен Модлинг, можно было прочесть, что оборот компании составляет более сорока миллионов долларов. Но сама компания была зарегистрирована на Каймановых островах. Очевидно, Модлинг не очень любил платить налоги, предпочитая работу в офшорах. Это еще более устраивало его будущего грузинского компаньона.

Хучуа подъехал к отелю в прекрасном настроении. Его телохранитель поспешил открыть ему дверь. Впрочем, сегодня он не понадобится. В таком отеле есть собственная служба безопасности. К тому же в Тбилиси Хучуа чувствовал себя особенно защищенным. Здесь жили его родные и близкие, здесь его дом. Они поднялись вдвоем с телохранителем в президентский сюит, где их уже ждали. Предупредительный секретарь мистера Модлинга проводил гостя в роскошную гостиную. Хучуа отпустил телохранителя, приказав ему ждать внизу, у машины. Для переговоров ему не нужны были переводчики или посредники. Он прекрасно владел русским, английским и французским языками.

К нему шагнул невысокий мужчина лет пятидесяти. Он крепко пожал ему руку, предлагая садиться. Секретарь Модлинга вкатил столик с напитками, но Хучуа благоразумно отказался. Работа – прежде всего, а выпить они еще успеют вместе с гостем. Тот даже не представляет, какую «культурную программу» для него приготовили. Во всяком случае, трезвым он отсюда не уедет.

Они начали переговоры. Хучуа не мог поверить своему счастью. Все, о чем он мечтал, все, к чему стремился, этот канадский придурок мог ему дать. Кажется, Модлинг даже не понимал собственной выгоды, считая, что может довольствоваться столь малыми процентами. Хучуа подумал, что таких западных партнеров уже не осталось. Все подозрительно относятся к любым коммерсантам из стран бывшего СССР, считая каждого жуликом или мафиози. Нужно больше работать с заокеанскими партнерами, подумал Хучуа. Европейцы недоверчивы и подозрительны, американцы слишком нетерпеливы и амбициозны. А вот другие бизнесмены могут оказаться золотой жилой. Канадцы, мексиканцы, австралийцы. Хучуа позволил себе несколько расслабиться. И даже налил себе коньяка, выпив немного вместе с приехавшим гостем. На часах было около четырех, когда он наконец поднялся.

– Спасибо, мистер Модлинг, – с чувством произнес по-английски Хучуа, – я думаю, что мы будем очень плодотворно сотрудничать. У нас грандиозные перспективы.

– Не сомневаюсь. – Модлинг пожал ему руку, серьезно глядя на грузинского бизнесмена из-под очков. У него были массивные, немного старомодные очки.

Когда Георгий Хучуа вышел из номера, Модлинг снял очки и протер стекла своим носовым платком. В гостиную вошел его молодой секретарь. Он взглянул на канадского бизнесмена и спросил по-русски:

– Ну как?

– Отвратительно, – так же по-русски заявил Модлинг, – пришлось даже пожимать руку этому мерзавцу. Надеюсь, что сегодня все наконец закончится.

МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА

Она не могла даже пошевелиться, так неожиданно схватил ее за горло этот неизвестный. Он был чуть ниже ее ростом, но в его руке чувствовалась сила. Нет, даже не так. Она сразу почувствовала, что он умеет хватать за горло. И этот распространенный прием применяет не первый раз.

– Молчи, – снова прошептал он, – если хочешь жить.

Второй достал оружие. Она дернулась, попыталась закричать, но неизвестный поднял вторую руку и зажал ей рот. Она почувствовала, что теряет сознание.

Второй держал в руках пистолет с непропорционально длинным дулом. Он прошел мимо них, входя в комнату, где сидел Тимур Караев.

«Несчастный, – успела подумать Наталья, – сейчас его убьют».

В эту секунду она даже не подумала о себе. Второй нападавший вошел в комнату и поднял оружие. Но Караева уже не было на прежнем месте в кресле. Удивленный убийца обернулся, Караев был у него за спиной, сжимая в руках свой пистолет.

– Привет, – сказал он, – этим азам учат на любых подготовительных курсах. Брось оружие.

Напрасно он произнес эти слова, разозлившие нападавшего. Тот дернулся и попытался сыграть на опережение. Но когда у вас в руках пистолет с надетым глушителем, сместить его в сторону на сто восемьдесят градусов или даже на девяносто и попытаться выстрелить – задача почти нереальная. Она становится и вовсе невыполнимой, если в этот момент вам в спину целится другой профессионал. Караев не стал ждать, пока нападавший успеет выстрелить. Он выстрелил первым. Грохот выстрела отозвался по всей квартире. Нападавший отлетел к стене, сползая на пол.

Наталья вздрогнула. Но одновременно вздрогнул и ее мучитель с раскосыми азиатскими глазами и удлиненными скулами. Он отпустил обе руки, понимая, что в комнате произошло нечто невероятное. По всей логике событий там должны были раздаваться сухие щелчки выстрелов из глушителя его напарника. А вместо этого раздался грохот выстрела из другого пистолета. На раздумья у него были секунды. Можно было достать свой пистолет и пристрелить женщину. Можно было попытаться прорваться в комнату, чтобы застрелить своего обидчика. А можно было, не доставая оружия, выбежать в еще не закрытую дверь.

В первом случае он должен быть фанатиком, во втором – героем. Но ни фанатиком и ни героем этот нападавший не был. Поэтому он оглянулся на комнату, откуда послышался выстрел, секунду промедлил, затем резко и очень больно ударил несчастную женщину в живот, словно рассчитываясь с ней за смерть своего напарника. И бросился бежать, рванув на себя дверь.

Наталья охнула, сползая вниз. Когда Тимур выбежал в коридор, дверь уже захлопнулась. На полу сидела Наталья с вымученной улыбкой. Он бросился к ней.

– Ты ранена? – тревожно спросил Караев.

– Нет, – через силу улыбнулась женщина, – этот тип... помоги мне подняться, пожалуйста... он явно не джентльмен. Ударить женщину.

– Он в тебя не стрелял?

– Нет. Он просто успел меня ударить. Очень больно.

Тимур помог ей подняться.

– Сволочь, – убежденно прошептал он, – я его достану.

– Надеюсь, ты не собираешься бежать за ним по лестницам, – прошептала она. – Ты знаешь, мне кажется, что он где-то работал палачом. Ему точно известно, как нужно хватать за горло и как больно бить. Откуда у него такие профессиональные навыки?

– Оттуда, – сквозь зубы прошептал Тимур, помогая ей пройти в гостиную.

Она вошла и увидела на полу лежавшего второго убийцу. Она даже не удивилась. Как врач, она уже привыкла к крови, но все равно вид застреленного человека в ее доме внушал ей некий ужас. Она пожала плечами.

– Это было обязательно?

– Если бы я опоздал на секунду, он бы застрелил меня, – признался Тимур, – а потом они убили бы и тебя. Они поэтому к нам и пришли. Убить нас обоих.

– Но зачем? Ты думаешь, что это грабители?

– Грабители не ходят с таким оружием, – показал он на лежавший на полу пистолет с глушителем, – это профессионалы. Их мало интересовали ценности в доме. Им нужны были мы. Или ты с Павлом.

Она села на диван. Перевела дыхание. Он подошел к входной двери, осторожно взглянул в глазок. Никого нет. Первый нападавший явно ретировался. Он закрыл дверь на все замки и вернулся в гостиную.

– У вас есть чистая простыня? – поинтересовался Тимур.

– Для чего?

– Хочу его накрыть, чтобы ты не смотрела.

– Возьми в спальне. В шкафу, – устало предложила ему Наталья.

Он прошел в спальню, вернулся с чистой простыней и накрыл ею тело убитого. Она задумчиво смотрела на него.

– Я сейчас подумала и вдруг очень испугалась, – призналась Наталья, – они могли появиться на несколько минут раньше. Когда здесь были Маша со своим другом. И у тебя могло не быть оружия. Тогда нас всех... всех четверых могли бы пристрелить... Как ты думаешь?

– Возможно. – Он мрачно кивнул. На эту тему говорить не хотелось.

– Я позвоню в милицию, – предложила она.

– Нет, – возразил он, – сначала нам нужно понять, что они хотели. Почему ты им так мешаешь.

Караев подошел к погибшему и быстро обыскал его карманы. Автомобильные права на имя Валерия Саевича. Значит, сегодня он застрелил гражданина Саевича. Интересно, где выдают такое профессиональное оружие с глушителем. Технический паспорт на «Волгу». Указан ее номер. Деньги. Восемь тысяч рублей и двести долларов. Ключи. Мобильный телефон. Вот это уже лучше. Здесь могут быть записаны все нужные номера телефонов. Тимур начал смотреть номера входящих и исходящих, когда неожиданно телефон в его руках позвонил. Он удивленно взглянул на дисплей. Звонивший не определялся. Караев немного подумал и решил ответить.

– Я вас слушаю.

– Кто вы такой? – раздался неожиданно резкий голос. – Почему вы решили стрелять? Кто дал вам такое право? Вы из милиции?

– Слишком много вопросов, – пробормотал Караев, – сначала нужно представиться, а уже потом задавать вопросы. —Понятно? Вы организовали засаду? Знали, что мы придем?

– Ну, хватит дурака валять, – раздраженно прервал его позвонивший, – скажите наконец, кто вы такой. И почему у вас было оружие?

– Вы бы хотели, чтобы его у меня не было?

– Вы приятель Павла Слепцова? Как ваша фамилия? Звание. Представьтесь.

– Жду того же от вас.

Позвонивший повесил трубку. Караев удовлетворенно улыбнулся. Кажется, у звонившего просто сдали нервы. Если он профессионал, то обязательно перезвонит. Он должен понимать, что все козыри в руках у Караева. И этот телефон с номерами, который сейчас на вес

золота. Тимур забрал лежавший на полу пистолет и подошел к Наталье, устраиваясь рядом с ней на диване. Она испуганно посмотрела на него.

– Я всегда боялась вашей бывшей работы, – призналась Наталья. – Это как-то связано с тем, чем вы занимались?

– Не думаю, – ответил Караев. – Мы с Пашей работали совсем в разных местах. Он в разведке, я в контрразведке. Нет, здесь нечто другое.

– Может, я позвоню в милицию? – снова предложила она.

– Мы еще успеем туда позвонить, – сказал он. – И успокойся. У нас с тобой целый арсенал. Если они снова полезут, мы с тобой отобьемся.

– Ты думаешь, что полезут?

– Это я неудачно выразился. Но если мы немного подождем, то, возможно, сумеем узнать, что случилось с Павлом. И вообще, что здесь происходит.

– Хорошо, – согласилась она, – только я позвоню на работу и сообщу, что сегодня не выйду.

Она протянула руку и взяла городской телефон. Нажала одну кнопку, другую. Затем удивленно и тревожно посмотрела на Караева.

– Наш телефон не работает.

Он взял аппарат. Никаких звуков. Эти ребята умеют работать. Очевидно, они обрезали провода. Но они должны понимать, что у них есть мобильные. Или они могут заблокировать и мобильные аппараты? Он взглянул на телефон убитого, который держал в руках. Черт возьми. Телефон был уже отключен. Как быстро они работают. Прошло всего несколько минут, и такая оперативность. Или он ошибся? Так могут работать только государственные службы.

– Быстрее, – крикнул он, – достань свой аппарат и звони в милицию.

Она поднялась и поспешила на кухню, где лежал ее аппарат. Набрала номер, тревожно ожидая, когда ей ответят. И крикнула в трубку, едва услышав голос.

– На нас напали. Приезжайте на Большую Полянку... – Она взглянула на аппарат. Потом на Тимура. – Мой телефон тоже не работает.

– Прекрасно. – Он достал свой. Телефон еще работал. Какие бы «фокусники» ни были эти нападавшие, но узнать, в какой сети работает его телефон и вычислить его за несколько минут, задача почти невыполнимая. Но они могут с ней справиться. Он набрал номер телефона милиции и передал сообщение, что на них напали, сообщив адрес улицы, дома и квартиры.

– Где нападавшие? – спросил дежурный сотрудник милиции.

– Одного мы застрелили, – сообщил он, – остальные находятся рядом с домом. Алло, вы меня слышите? Высылайте не одну машину, а несколько. Бандитов может быть трое или четверо. Это профессионалы, и они хорошо вооружены.

– Не нужно нас пугать, – недовольно сказал дежурный, – сейчас высылаем оперативную группу по вашему адресу. Ждите.

«Какой кретин, – раздраженно подумал Караев, – он, кажется, мне не верит. Пока работает аппарат, нужно послать сообщение Семену Малярову на всякий случай. Пусть прочтет, когда проснется».

Он быстро набрал сообщение латинскими буквами и переслал его Малярову. Затем убрал аппарат.

Наталья вернулась в гостиную, захватив с собой плед. Ее била дрожь. Она все больше и больше осознавала, что только чудом осталась жива и не подставила свою дочь.

– Успокойся, – обнял ее за плечми Караев, – все скоро закончится.

Словно в подтверждение его слов вдруг зазвенел его телефон. Он удивленно взглянул на номер. Неужели это дежурный из милиции решил ему перезвонить.

– Здравствуйте, полковник Караев, – услышал Тимур резкий голос, – почему вы сразу не представились? Нам было бы гораздо легче с вами договориться.

– Я не договариваюсь с бандитами.

– Не нужно, Караев. Это ложный пафос поберегите для другого случая. Просто произошла ошибка. Обычная накладка. Вы должны все понимать, вы же профессионал.

– Как вы меня вычислили? Каким образом?

– По вашему номеру. Мы успели заблокировать городской номер и оба мобильных телефона, которые могли быть в квартире, где вы сейчас находитесь. Телефон... нашего погибшего сотрудника и телефон хозяйки квартиры. Это было несложно. Оставалось вычислить ваш номер. Но вы нам сами помогли, когда позвонили в дежурную часть УВД города. Вычислить вас по номеру – дело нескольких секунд. Вы же знаете, как сейчас работают компьютеры. Кстати, никуда больше вы позвонить не сможете. И никакие оперативные группы к вам не приедут. За это я вам ручаюсь, чтобы у вас не было ложных иллюзий. Милиция вообще не будет вмешиваться в наши дела. Я думаю, что вы все уже поняли. Нам лучше договориться, полковник. Это и в ваших, и в наших интересах.

Он посмотрел на Наталью.

– Что? – спросила она чуть дрогнувшим голосом.

– Милиция не приедет, – честно признался он, закрывая телефон рукой, – они перехватили наш разговор, отменили вызов и заблокировали все наши телефоны.

Она тяжело задышала, испуганно глядя на него.

– Алло, вы меня слышите, – раздалось в его аппарате, – не нужно быть идиотом, полковник. Мы можем договориться. Это прежде всего в ваших интересах.

Он взглянул на убитого, прикрытого простыней, и зло переспросил:

– Откуда вы знаете, что именно в моих интересах? Или вы можете читать даже мои мысли?

Наталья прикусила губу, глядя на него. Он взглянул на нее и понял, что она начала сознавать, в какую невероятную историю они оба попали. И плюс еще пропавший Паша...

ГЛАСГОУ. ШТАТ КЕНТУККИ. США. 12 МАЯ 2006 ГОДА.

Стил Кершоу даже не помнил, когда в последний раз ему сообщали об умышленном убийстве в Гласгоу. Даже когда ему сообщили, он не поверил. Кершоу работал в местной полиции уже девятнадцать лет, последовательно прошел все должности, став начальником полиции этого города, в котором жили его жена и четверо детей. Здесь уже давно не было случаев умышленного убийства, с тех пор, как Патерсон зарезал свою супругу, в чем он сразу и сознался. Но в городе все знали несносный характер жены Патерсона и его склонность к насилию. Но такое... Когда Кершоу доложили, что в местном супермаркете был зарезан старик Бентон, он даже не поверил услышанному.

Кому нужен был этот тихий Бентон? Он уже лет тридцать жил в их сонном городке. Если не считать его женитьбу на Лилиане, которую Кершоу знал с самого детства, ничего особенного в жизни Бентона не происходило. Он обычно получал пенсию как ветеран американской армии, иногда прогуливался вокруг своего дома. Всегда был вежливым и аккуратным человеком. И вдруг такая нелепая, дикая смерть. Что они скажут Лилиане, почему так нелепо погиб ее второй муж?

Кершоу приехал на место происшествия сразу, как только получил сообщение о смерти Бентона. На его одутловатом мордастом лице застыло выражение явного неудовольствия. Обычно он сохранял на лице величавую важность и внешнее благодушие, ведь в их городе почти не бывало тяжких преступлений.

Рядом с магазином уже находилось несколько жителей города.

– Здравствуй, Стил, – крикнул кто-то из толпы.

– Привет, Мартин, – узнал он знакомого фермера, – ты тоже сюда приехал?

– Я был на почте, Стил, и мне сказали, что здесь убили Бентона. Как ты думаешь, кто это мог сделать? Мы считаем, что это какой-то маньяк. У нас таких нет.

– Может быть. Сначала я должен посмотреть.

– Посмотри. Его зарезали, как овцу. Ударили несколько раз ножом. Мы все считаем, что это какой-то пришелец. Наверно, Бентон ему помешал...

– Возможно. – Он уже вошел в магазин.

– А если это кто-то из наших, то мы его сами найдем, – крикнул ему в спину Мартин. – Можешь не сомневаться, Стил, мы его точно найдем.

Кершоу ничего не ответил. Где-нибудь в Нью-Йорке или в Лос-Анджелесе подобный диалог был бы немислим. Ни один начальник полиции не станет на месте преступления обсуждать происшедшее убийство со своим знакомым. Но здесь был не Нью-Йорк, а провинциальный городок.

Он протиснулся в магазин. Там уже были двое сотрудников полиции.

– Его убили, сэр, – доложил один из них. – Шесть проникающих ударов ножом.

– Орудие преступления нашли?

– Нет, сэр. Но офицер Хоуп почувствовал какой-то запах.

– Какой запах? – не понял Кершоу, взглянув на другого сотрудника полиции. Тот был гораздо моложе. Ему было лет двадцать пять, и все сотрудники полиции знали, что у него особый нюх, какой обычно бывает у парфюмеров. Он безошибочно определял, каким парфюмом или дезодорантом пользовались его коллеги. Такой «собачий» нюх часто вызывал насмешки коллег.

– Я наклонился к нему, сэр, – немного покраснев, доложил Хоуп, – и почувствовал характерный запах. Как в больнице. Как будто его сначала усыпили, а потом убили.

– Зачем? – нахмурился Кершоу. – Чтобы он не мучился? Ты видел таких убийц, Хоуп, или когда-нибудь про них слышал? Убийца бьет несчастного четыре раза ножом и еще делает все, чтобы убитый не мучился. Это твои фантазии Хоуп. – Он присел перед убитым, разглядывая его раны.

– Никак нет, сэр, – еще больше покраснев, доложил Хоуп, – мне кажется, что убийца специально закрыл рот Бентону, чтобы тот не мог кричать. Ведь его могли услышать.

Кершоу задумчиво взглянул на убитого.

– Я пройду к кассе, а ты закричи, а я попытаюсь тебя услышать, – предложил он. – Только кричи не очень громко.

Он прошел к кассе и услышал негромкий крик Хоупа. Все правильно. Его офицер правильно все просчитал. Возможно, если бы Бентон крикнул оттуда, его бы здесь услышали. Кершоу вернулся к телу убитого.

– Тогда выходит, что убийца хотел убить именно Бентона и готовился к этому преступлению, – мрачно предположил Кершоу. – Интересно, чем ему мог помешать этот старик.

– Там приехала Лилиана, его жена, – появился рядом с ними еще один сотрудник.

– Не пускать ее сюда, – распорядился Кершоу. – Иди и постарайся ее успокоить. Не нужно ей видеть, в каком состоянии здесь лежит ее муж. Он ей потом ночью снится будет.

– Что мне ей сказать?

– Что хочешь, – рявкнул Кершоу. – Скажи, что я запретил. Наплети все, что тебе придет в голову, только не пускай ее сюда.

Он снова присел перед убитым. Кому мог помешать Бентон?

– Кто это был? – спросил Кершоу, обращаясь к Хоупу. – Ты спрашивал, кто сюда заходил?

– Из наших утром заходили две сестры Слессора, – сообщил Хоуп.

– Им обоим по сто лет, – отмахнулся Кершоу, – они даже котенка не смогли бы удавить.

Кто еще?

– Заходил мистер Трамбо. Покупал чай. Но он все время стоял у прилавка и никуда не отходил.

– Еще?

– Двое туристов из Миссури. Ребята запомнили их номер. Наверно, туристы. Муж и жена. Они были на почте, потом заехали в магазин. И сын Роберта Митчелла тоже заходил.

Кершоу поднял голову. Хоуп печально кивнул.

– Да, – сказал он, – Патрик тоже здесь был. Я уже звонил к ним домой, но его нигде не могут найти.

– Почему ты сразу мне о нем не сказал?

– Я хотел все выяснить. Вы же знаете, что я вместе с ним занимался боксом. А потом его арестовали...

Патрик Митчелл был головной болью полиции Глазгоу. Его трижды арестовывали за нарушение общественного порядка, драки и дебоши в барах. А четыре года назад он ударил ножом одного из напавших на него ребят и получил два года тюрьмы, которые отсидел в соседнем штате. В прошлом году он снова появился в Глазгоу. Учитывая, что он был темнокожим афро-американцем, а в полиции Глазгоу офицеры были другого цвета кожи, это противоречие сказывалось довольно сильно. Патрика Митчелла не любили в городе, как не любили и его отца – Роберта, который также не отличался спокойным характером, был мрачным и неразговорчивым вдовцом. Почти регулярно, раз в месяц, он срывался, увлекаясь алкоголем. О подобных срывах Митчелла-старшего знал весь городок. Может, поэтому сын и вырос таким буйным, унаследовав характер отца.

– Нужно его найти, – поднялся Кершоу. – Если бы не этот запах, я бы решил, что Патрик снова взялся за старое. Но чем ему мог помешать Бентон? Они жили в разных концах города и, по-моему, никогда не встречались...

У Хоупа было такое лицо, словно он все знает.

– Что еще? – раздражаясь, спросил Кершоу. – Ты у нас всезнайка, будешь скоро начальником полиции вместо меня. Что ты хочешь мне сказать?

– Патрик встречался с младшей дочерью Лилианы, – сообщил Хоуп, – а ее мать не очень хотела, чтобы они встречались. Потом девушка уехала в Чикаго. Лилиана всегда была против ее встреч с Патриком. И он об этом знал.

– Бентон тоже был против?

– Наверно. Он ведь считался ее отцом.

– Он не был ее отцом, – зло перебил Хоупа Кершоу, – об этом знает весь город. Зачем Патрику Митчеллу убивать Бентона? Только потому, что они не разрешали ему встречаться? Ни одна нормальная семья в городе не позволила бы своей дочери встречаться с буйным сыном полоумного Роберта Митчелла. И я бы не позволил. Почему нет нашего криминалиста? Пусть он здесь поработает. И вообще, никого не пускайте сюда, пока здесь все не осмотрят следователи.

– Хорошо, сэр.

– И уточните насчет этой машины с туристами из Миссури. Кто они такие и почему к нам приехали. Хотя зачем этой семейной парочке приезжать сюда из Миссури, чтобы зарезать Бентона. Какая глупость. Все равно узнайте.

Кершоу раздраженно прошел к выходу. Он взял бутылку минеральной воды, расплатился с хозяином и, открыв бутылку, залпом ее выпил. Потом сел в кресло, любезно предоставленное ему хозяином магазина.

«Черт бы меня побрал, – раздраженно подумал Кершоу, – если это сын Митчелла, то в городе начнут обвинять меня в этом преступлении. Все знают, что я слишком либерально относился и к Роберту Митчеллу, и к его сыну. Только никто не знает, что тридцать пять лет назад, когда я мальчишкой тонул в озере, именно Роберт Митчелл вытащил меня оттуда и спас мне жизнь. А я об этом никогда и никому не рассказывал. Даже родителям. И он никому не рассказывал. Но когда я арестовал его сына, он пришел ко мне и только спросил: „Что будет с моим мальчиком?“ Я тогда ему помог. Его сын подрался сразу с двумя подростками, которые напали на него поздно ночью. И хотя Патрик ударил ножом одного из нападавших, но мне удалось тогда переложить часть вины и на этих ребят. Нож принадлежал одному из нападавших. Патрику он не был нужен, он мог бы справиться и без него. Но он ударил нападавшего и подобрал его нож... И об этом все узнали. Как узнали о том, какую роль в этом процессе сыграл начальник полиции. Что будет теперь, лучше не думать. Мне припомнят и тот случай, и этот. Бентон был слишком спокойным человеком, чтобы так дико умереть. Возможно, он действительно не разрешал своей падчерице встречаться с сыном Митчелла. А может, сделал ему замечание в магазине, и парень не выдержал. После двух лет тюрьмы можно стать помещанным. Но тогда какой запах почувствовал Хоуп и при чем тут убийство Бентона?»

Он сидел в кресле, мрачно глядя перед собой. И даже не подозревая, что сообщение о смерти Бентона уже по цепочке идет из Глазгоу в столицу штата Франкфорт, а оттуда в Вашингтон и в Лэнгли. Он даже не мог себе представить, какое количество людей должна была взволновать смерть добропорядочного гражданина Глазгоу – Уильяма Бернарда Бентона.

МОСКВА. РОССИЯ. 12 МАЯ 2006 ГОДА

Они отключили городской телефон и два мобильных за несколько секунд. Затем они сумели вычислить его по номеру, когда он позвонил в дежурную часть. Отменили вызов и заблокировали его телефон. На такое неспособны обычные бандиты. Подобный трюк может проделать только государственная спецслужба с неограниченным резервом административного ресурса. Для этого не обязательно быть бывшим полковником КГБ, чтобы осознавать подобные факторы.

– Откуда вы знаете, что именно в моих интересах? – не сдерживая своего раздражения, спросил Тимур. – Или вы можете читать даже мои мысли?

– Вы уже поняли, что мы можем все, – сказал незнакомец, – и я вам не советую со мной спорить. Все ваши телефоны уже заблокированы. Через минуту к вам в квартиру ворвутся наши люди, и все будет кончено. Только потому, что я хочу дать вам шанс, я все еще разговариваю с вами.

– Тот тип, который ворвался к нам с пистолетом, тоже хотел дать мне шанс? – уточнил Караев.

– Я вам уже объяснил, полковник, что произошла обычная ошибка. Так иногда бывает. Я думаю, будет правильно, если вы откроете вашу дверь и позволите нашим людям войти в квартиру для переговоров. Согласитесь, что всегда лучше общаться напрямую.

– Ваши прямые контакты не всегда безопасны, – возразил Тимур.

– Не будем спорить, полковник. Вы уже поняли, что другого выхода у вас просто нет. Все телефоны отключены, ваша квартира под нашим наблюдением. Если вы даже попытаетесь выйти на балкон и позвать на помощь, это тоже вам не поможет. Наши снайперы внимательно следят за вашими перемещениями. У нас осталось несколько минут. Потом они получают приказ на штурм, и в квартире не останется живых людей. Это я тоже вам могу гарантировать.

Тимур взглянул на Наталью, посмотрел на балкон. Они не блефуют. Он сделал ей знак рукой, чтобы она сползла с дивана. Наталья не понимала, что он от нее хочет.

– Вниз, – попросил он, – ложись на ковер и ползи в другую комнату. Быстрее.

Наталья наконец кивнула. Она поняла. С ее ростом и весом ей трудно было падать на пол и ползти в сторону кабинета Павла. Но она встала сначала на четвереньки, а затем поползла в сторону кабинета. Просто какой-то сумасшедший дом, подумал Тимур. Он поднялся и, стараясь прижиматься к стене, вышел следом за ней, остановившись в коридоре перед входной дверью. Если они попытаются ворваться, он так просто не сдастся. Хотя они могут пустить газы. Но противогаза в квартире Павла он наверняка не найдет.

– Откройте дверь, – снова предложил незнакомец, – нам нужен только труп убитого вами человека. Нашего сотрудника. Мы его заберем и уйдем. Заодно отдайте его телефон и документы.

«И ключ от квартиры, где деньги лежат», – вспомнил Караев свое любимое литературное произведение.

– Вам не кажется, что я должен отказаться? Если вы уже знаете, что я бывший полковник, то должны хотя бы немного узнать и о моей биографии. Я не тот человек, который может вам поверить и которого вы можете так легко обмануть. Я вам не верю.

– Жаль, – почти искренне сказал позвонивший, – при других обстоятельствах и в других условиях мы могли бы быть друзьями. Очень жаль, полковник, но вы сами сделали свой выбор.

Телефон умолк. Караев посмотрел по сторонам. Наталья была уже в кабинете.

– Наташа, – крикнул ей Тимур, – ляг под стол и не высовывайся. Даже если услышишь звуки выстрелов.

Он понимал, что у него в запасе несколько минут, возможно, даже меньше. Они быстро выломают дверь и ворвутся сюда. Дверь хорошая, металлическая, но они ее все равно убьют. Хотя бы направленным взрывом. Для этого им понадобится несколько секунд. И потом ворвутся сюда. Он может убить одного, двоих или троих, но результат ясен заранее. Они все равно заберут труп Саевича и оставят здесь два других трупа. Его и Наташи. Что делать?

На звуки взрыва и выстрелов сюда сбегутся соседи. Конечно, они вызовут милицию. Но если эти типы смогли вычислить его звонок в дежурную часть милиции и отменить вызовы, значит, милиция не поможет. И наверняка нападавшие будут в камуфляже, выдавая себя за штурмовой отряд ОМОНа или ФСБ. В таком случае вообще никто не будет вмешиваться.

Может быть, подползти к окну и начать стрелять в воздух? Позвать на помощь? Тоже не поможет. Они в это время начнут штурм и объявят, что хозяев квартиры захватил неизвестный террорист. За террориста выдадут своего подельника, за хозяев квартиры его и Наталью. Террорист успел пристрелить хозяев, после чего его застрелили штурмовавшие дом спецназовцы. И все будут довольны. Нет, обычные выстрелы и крики не помогут.

Если бы у него было время. Хотя бы немного. Можно попытаться сломать стену, пробиваясь к соседям. Это тоже вряд ли поможет. Черт возьми, должен быть выход, должен быть. Они в любую секунду могут начать штурм.

– Тимур, – позвала его из кабинета Наталья, – с кем ты все время говоришь? Мне страшно.

– Все будет нормально, – ответил он, повернувшись. – Ты лежи спокойно и не нервничай.

– Милиция приедет? Почему их нет?

– Обязательно приедут. Прямо сейчас.

Задача нападавших – забрать у него труп своего сотрудника. Это улика, которая работает против них. А если... Этот план может сработать. Он услышал тяжелые шаги за дверью. Сейчас начнется. У него в запасе только несколько секунд. На лестничной площадке уже переговаривались люди, готовые к штурму.

Он бросился в гостиную. Они наверняка готовятся взорвать дверь и ворваться в квартиру. Он обязан успеть, он должен успеть. Труп незнакомца оказался гораздо тяжелее, чем он мог себе представить. Он тянул его изо всех сил, не обращая внимания на красную полосу, оставляемую на ковре. Ковер можно будет почистить или выбросить, сейчас нужно выиграть несколько секунд. Он приоткрыл окно, начиная поднимать тело. Лишь бы они не начали стрелять, лишь бы они не начали стрелять, твердил он как заклинание. Хотя зачем им стрелять с этой стороны. Если даже они решат, что кто-то хочет выпрыгнуть с четвертого этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.